

Понимание языка в феноменологии М. Мерло-Понти

Хрыкин А.А.

Феноменология, представленная Гуссерлем и Мерло-Понти, особого внимания языку не уделяла, однако для моей работы представляют интерес их концепции и размышления по этому поводу. Потому как они в корне отличаются от лингвистических теорий, объясняющих существование и функционирование языка, а также, позволяют понять их различия языка и речи как проговаривания на субъектном уровне, вне представления о сетевой коммуникации.

Мерло-Понти указывает на то, что основанием для исследования языка у Гуссерля были его «логические исследования», в четвертом разделе которых Гуссерль выдвигает идею универсальной грамматики и эйдетики языка, которые, если язык должен быть языком, фиксировали бы необходимые ему для этого формы значения и позволяли бы с исчерпывающей полнотой и ясностью осмыслять эмпирические языки как «трудную» реализацию языка сущностного, который представляется мне как некий общий метаязык, не исторически первичном смысле, а в смысле логическом. Язык в таком случае – «один из объектов, суверенно конституируемых сознанием, а его современные разновидности есть частный случай некоего возможного языка, секрет которого в том, чтобы быть системой знаков, связанных со своими значениями однозначными отношениями, которые доступны тотальному объяснению, как в своей структуре, так и в своей функции. Секрет этот хранится сознанием, и, таким образом, получается, что язык, как поставленный перед мыслью объект, может по отношению к ней играть лишь роль сопровождения, замещения, краткого справочника для памяти или вторичного средства для коммуникации» [Мерло-Понти М. О феноменологии языка. // Логос. 1994. №6. С. 179]. Получается, что Гуссерль предполагал некий единый язык, не смысле одинаковых знаков, и грамматики, как раз того, что изменчиво и «телесно», но в том виде, в каком он одинаково реализуется при проговаривании и означивании. Тот факт, что мы признаем у разных людей и разных народов на протяжении веков, общее для них социальное тело – язык, свидетельствует не о произволе ученых, которые языком считают все, что способствует коммуникации и закреплению имен и значений, но и том, что возможна общая для всех сущностная форма языка, которая уже в зависимости от других меняющихся условий подвергается размыванию.

Мерло-Понти пишет: «Беря язык как свершившийся факт, субстратный остаток прошлых актов обозначения и регистрацию уже приобретенных значений, ученый неизбежно упускает из виду собственную ясность и плодотворную изобильность экспрессивного проговаривания. С феноменологической точки зрения, то есть для говорящего субъекта, который пользуется языком как средством коммуникации с живым сообществом, язык вновь обнаруживает свое единство: он больше не результат хаотического прошлого независимых лингвистических фактов, но система, все элементы которой конкурируют в уникальном усилии выразить нечто обращенное к настоящему или будущему и, следовательно, управляемому логикой актуальности» [Там же. С. 180].

Конкретные языки далеки от того, чтобы быть «трудной» реализацией форм идеального и универсального значения, значит, и возможность подобного синтеза весьма проблематична. Если универсальность будет достигнута, то не посредством универсального языка, который, освобождаясь от языкового разнообразия, дает нам основание для вообще любого возможного языка, а через косвенный переход от того языка, на котором я говорю и который приобщает меня к феномену выражения, к тому другому языку, на котором мы учимся говорить и который стилистически иначе осуществляет акт выражения, поскольку сравнивать два этих, а, в конце концов, и вообще все языки, можно лишь как тотальности после завершения указанного перехода, причем сравнивать без какой бы то ни было возможности обнаружить в них общие элементы единой категориальной структуры. Понимание языка идет не по суммарному пониманию значений всех элементов. Каждый знак

отсылает лишь к своему означаемому, однако, все вместе они намекают на конкретное значение, которое постоянно ускользает. Причем сами знаки никогда не содержат в себе значения, и каждый из них выражает что-либо лишь через свое отношение к мыслительному инструментарию и ссылку на некую приспособленность инструментов нашей культуры; все же вместе они предстают как еще не заполненный формуляр, как действия жесты другого, целенаправленно очерчивающие не видимый мною объект в мире.

Мерло-Понти считает, что речь животворится значением точно так же, как тело оживляется и одухотворяется присутствием мира, который пробуждает мои интенции, не разворачиваясь перед ними. Здесь важно понять обратную логику рассуждения, речь - это средняя часть говоримого, в котором предстает мир, ожививший речь, и которая в свою очередь обнаружила его присутствие. Она вовсе не создает мир, она следствие мира воспринимаемого, облачает его в знаки и собственные темпоральности. Именно поэтому выражение никогда не бывает тотальным, а значит, и язык с феноменологической точки зрения тотально невозможен: «Речевые значения - это всегда идеи в кантовском смысле, то есть полюса некоторого множества стремящихся к совпадению актов выражения, которые, не будучи представлены как таковые, приводят в движение дискурс; и потому выражение никогда не бывает тотальным» [Там же. С. 184].

Выражение никогда не сообщает в своей наличной данности проговаривания полной текущей информации о том, по поводу чего речь идет, даже в том, случае если, указывается на один предмет, потому речь предполагает некоторую недосказанность, некий намек, на непредставленное, на несхваченное наблюдателю и говорящему. Следовательно, в любом выражении всегда присутствует нечто подразумеваемое; в противном случае это понятие вообще лучше отбросить, поскольку смысл оно имеет только в том случае, если в качестве абсолюта и модели выражения мы принимаем некий язык (обычно наш собственный), который на самом деле, как и все другие языки, никогда не может подвести нас к значению, к самим вещам

Именно речь позволяет начинать не с конструирования других, или социального мира в целом, она дает возможность в акте проговаривания самому понимать, что я говорю другим, она позволяет разделяться «Я» и давать ему возможность полагать себя, исходя не из Фихтевского не-Я, а из речи, как Другого, либо исходя из Других: «Оказывается, не я, а они (тела) инвестируют меня, и я вижу, как в пространстве вырисовывается фигура, она пробуждает и собирает вместе возможности моего собственного тела, как если бы речь шла о моих жестах и моем поведении. Все происходит так, как будто функции интенциональности и интенционального объекта поменялись местами самым парадоксальным образом. Зрелище приглашает меня стать его адекватным зрителем, как если бы не мой, а какой-то иной дух неожиданно вселился в мое тело, или точнее, как если бы мой дух был увлечен разворачивающимся перед ним спектаклем и переселился, эмигрировал туда. Меня захватывает мое второе «я», которое вне меня, и я воспринимаю другого, вот он... Однако речь, очевидно, является замечательным примером тех «поведений», которые опрокидывают мои обычные отношения с объектами и наделяют некоторых из них ценностью субъекта» [Там же. С. 189].

Феноменологическая концепция языка, по сути, говорит о самом первичном конструировании мира и построения другого. Речь понимается, как то самое тело, возникающее как продление тела «реального», связующее другие тела в единство понимания, а значит, ведущее к единому языковому миру. Язык как объективированная система значений обретает каждый раз новое значение для более точного понимания между говорящими, хотя с трудом можно говорить о нескольких говорящих у Мерло-Понти, скорее речь идет о проблеме выхода «Я» из трансцендентальной позиции и возможности Другого, который даже если и подобен и аналогичен «Я», вовсе не обязательно может быть понимаемым, а значит доступным. Речь в таком случае понимается как надындивидуальная

возможность другого и мира в целом, однако, в то же время речь позволяет «Я» обнаружить свои границы, а значит, и себя.